

Сандомирский Герман Борисович

В неволе

Очерки и воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
В неволе: Очерки и воспоминания / Сандомирский Герман Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 192 с.

ISBN 978-5-519-84663-9

ISBN 978-5-519-84663-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА.

1. Майн-Рид в революции ¹.

Это случилось летом 1906 г., в разгар административных высылков, когда волей местных сатрапов необозримые пространства Сибири населялись самыми разнообразными пришельцами из России—от крупных и активных революционеров, чудом избегавших суда, каторги и виселиц и с большим удовольствием отправлявшихся в отдаленные *parties de plaisir*,—вплоть до невиннейших обывателей, высылавшихся по ложному доносу, иногда за простое неумение или нежелание дать взятку.

Что касается меня и моих ближайших товарищей, сидевших в О-ской тюрьме, объявление о высылке в Нарымский край прозвучало в наших ушах чудеснейшей музыкой, ибо ждали мы значительно худшего... Стыдно признаться, от радости мы целовали выданные нам на дорогу мешки...

Славу богу,—мы, наконец, прощаемся с опостылевшей тюрьмой. Только-что уехал приезжавший к нам в последний раз судебный следователь по важнейшим делам, заявивший, что с его стороны к административной ссылке нашей группы в Сибирь «препятствий не встречается». Через 2—3 часа мы—в вагоне, а, затем, начинаем путешествовать из одной пересылки в другую, по хорошо проторенной тогдашними революционерами дорожке: из Киева в Тулу, из Тулы—в Самару и т. д.

¹ Автор был впервые сослан в Сибирь в 1906 году в административном порядке, по распоряжению одесского генерал-губернатора Карангозова. В постановлении было сказано, что «нижеследующие лица, принадлежащие и прикосновенные к группе анархистов-коммунистов, высылаются: принадлежащие—в Нарымский край, а прикосновенные—в Вологодскую губернию». Автор бежал из ссылки осенью того же года. В 1907 году, в Киеве был арестован вторично и осужден на 8 лет каторжных работ за принадлежность к киевской группе анархистов-коммунистов. Второе обвинение—о заговоре на жизнь командующего войсками Киевского военного округа В. А. Сухомлинова—было отвергнуто, как недоказанное. В 1916 году автор окончил срок каторжных работ и был поселен в Черемхове Иркутской губернии, где его застала февральская революция и амнистия. С того времени автор живет в Москве.

То было интересное, горячее время, — когда первая русская революция, сраженная черносотенными октябрьскими погромами, разгромом красной Москвы и бесчисленными карательными отрядами, все еще не хотела признать себя окончательно побежденной. Столыпинский режим не сумел еще настолько укрепиться, чтобы оказывать свое устрашающее воздействие на тех, кто жил ради одной борьбы... Для каждой партии, мечтавшей о восстановлении своих разрушенных организаций, силы ее ответственных работников представлялись неоцененными. К такой каре, как административная ссылка, практиковавшаяся в самых широких размерах, революционеры относились без всякого уважения. В ссылку ехали в то время, как на увеселительный пикник, и, кажется, не было ни одного мало-мальски серьезного партийного работника, который не мечтал бы о побеге из Сибири в первый же день по своем прибытии туда. Помню, когда родные принесли мне на киевский вокзал мою зимнюю шинель, я отверг ее с негодованием и воскликнул тут же, при конвойных:

— Кто же там станет до зимы оставаться?!

Не успели мы перевалить через Урал, как в вагоне разговоры о побегах стали принимать все более и более конкретные формы. Стали попадаться в пути «обратники», уже бежавшие из Нарыма, арестованные в России и возвращавшиеся, под охраной архангелов, вспять... По их рассказам выходило, что из Нарыма бегут все, кому не лень только. Бегут и вниз по Оби, на Тюмень, и вверх, на Томск, бегут, затесавшись среди серой и шумной публики, а не то, нанимаясь рабочими по распилке и нагрузке дров на баржи. Иным удастся раздобыть чиновничьи фуражки с кокардами, — и они переважно плывут на Тобольск в пароводных каютах 1-го класса; часть из них умудряется попадать на казенный паровод «Полезный» и распивать чай с исправником, в то время как на буксире у «Полезного» сзади следует арестантская баржа, нагруженная их товарищами.

С самого Ново-Иколаевска мы с товарищем не смыкали глаз, грезя о побеге. В Киеве, в Лукьяновской тюрьме, оставались у меня друзья, которых в ближайшем будущем ожидала виселица. Подготавливая их освобождение, я и попался в О. Что-то будет с ними? Успею ли я убежать из этого проклятого Нарыма до тех пор, пока Сухомлинов не подтверждает их смертного приговора? Эти мучительные вопросы не давали мне покоя... С болью думал о том, что товарищи по делу, сосланные в Вологодскую губернию, уже, должно-быть, вернулись в Киев и что им одним трудно будет довести до конца наше общее предприятие.

В пути я сблизился еще с несколькими товарищами, — и мы твердо решили бежать из Томска, как только прибудем туда, не дожидаясь отправки в безвестный Нарым. Однако, совершенно непредвиденное препятствие помешало нам выполнить свой план.

Перед самым прибытием в Томск я был выбран в старосты «партии»,—и на каждом шагу я был связан данным честным словом... Все, что я мог сделать в первый день по прибытии в Томск, это—устроить побег одному из товарищей по невольному путешествию, с.-д. Орлову. Случилось это вот как... Добродушный помощник исправника, накануне нашей отправки прибывший «наводить порядок» на барже «Полезный», на которой стояла наша партия, сразу был атакован со всех сторон многочисленными просьбами об отпуске в город за покупкой с'естных припасов и разных продуктов первой необходимости. После долгих пререканий удалось нам поладить на следующем: «чин» соглашается из всей партии отпустить в город меня, в качестве старосты, дав мне в подручные Орлова,—но так как нам потребуется не мало времени, чтобы закупить все нужное для партии, отправка ее будет отсрочена до нашего возвращения. Но, вот, беда: когда все было уже улажено, оказалось, что нет достаточного конвоя. Из всего солидного числа конвойных только один ретивый служака (как впоследствии выяснилось, на службу поступивший лишь накануне) согласился сопровождать нас в Томск.

— Да справишься ли ты с ними, уследишь ли? Народ, ведь, сам знаешь, аховый!—озабоченно спрашивает «чин».

— Не извольте сумлеваться! — пыжится замухрышка-стражник, с большим достоинством одергивая болтающуюся на боку «селедку».—Куды им бежать? Местность тут гладкая...

— Ну, как знаешь... Если берешься, дело твое и... ответ твой... Через две минуты мы уже в дороге... Местность, в самом деле, «гладкая» до чрезвычайности—за две версты вперед видно,—и свернуть некуда. Только мы вышли с баржи, вижу у О. глаза загорелись... Шепчет мне на мало-понятном нижегородско-французском волапюке о том, что до-зарезу бежать надо сейчас же... Мне, мол, как старосте, неловко оставлять партию, а у него дела срочные,—и вся с.-д. партия России только и ждет, что возвращения О.

— Устройте, товарищ, как-нибудь... Ему за двумя не уследить...

А ретивый служака мелкими шажками семенит за нами, от волнения у него по лицу красные пятна пошли; почуял, видно, что-то недоброе и все старается вникнуть, о чем это мы на конспиративном своем волапюке сговариваемся.

Вдруг я круто поворачиваюсь к нему:

— А скажите, пожалуйста, если товарищ мой вдруг побежит, вам что полагается по инструкции делать? Его догонять или меня сторожить?

Заволновался замухрышка, страшно изменился в лице, голос прерывается:

— Перво-на-перво я должен в него стрелять. Только... у меня леворевельта-то нет,—добавляет он убитым голосом.

— А в таком разе что же вы можете ему сделать?

— Ничего,—прошептал он,—и в голосе слезы слышались.— В таком случае я вас должен держать... Только зачем вы все, господин, о таких страшных вещах разговариваете? Ведь, я на вас как на благородных господ рассчитывал, не станете вы службы моей портить...

И бедный, глупый страж, мечтавший на второй день своей службы сделать головокружительную карьеру своей решимостью сопровождать двоих «политических» при «холодном оружии», стал самым приниженным тоном умолять нас не губить его...

Слушал О. его бессвязные мольбы, слушал—и говорит, вдруг:

— Ты возьми от меня, служивый, четвертной билет на память... Я убегу все равно. Ну, так вот, это тебе за неприятности будет.

А служака и слышать не хочет, все продолжает упрашивать нас и старается беседу затянуть до центральных улиц города, где он мог надеяться встретить себе подмогу в лице других полицейских стражников, в то время шнырявших по Томску во всех направлениях. На короткое время ему судьба улыбнулась. Мы договорились с О., что он сбежит из ближайшего магазина, в который войдем за покупками. На моей обязанности лежало отвлечь внимание стража, Ор. тем временем выйдет черным ходом во двор, а оттуда сбежит к знакомому инспектору страхового общества. На короткое время судьба улыбнулась нашему замухрышке; попадаетеся нам навстречу другой стражник, с пакетами. Наш страж обмер от радости, чуть не кинулся к нему на шею, рассказывает о замышляемых нами кознях и, наконец, умоляет присоединиться к нашей группе. Вижу, дело—плохо, не отвязаться нам теперь от второго стража. Думал, думал я, как от него избавиться,—и, наконец, надумал. Дело-то в том, что г. Томск я, как бывший томский студент, хорошо знал. Выбрал я подходящий трактир («Славянский») и, как только мы до него дошли, заявляю, что я ног не чувствую от усталости и дальше итти отказываюсь. Стражники недолго заставили себя упрашивать, а когда возлияние оказало свое действие на нового спутника и мы вышли опять на улицу, он, категорически отвергнув все мольбы нашего замухрышки о дальнейшем содействии, завернул за угол и был таков.

— Навязал себе на шею двоих,—ну, и возись с ними!

Этимися словами он поверг в окончательное уныние нашего стража. Тот уже не посмел протестовать, когда мы потребовали вести себя в магазин Сквородникова, что на Большой пл. На минутку счастье опять улыбнулось ему в магазине: туда же другие стражники привели партию ссыльных из загородного арестантского отделения, — и он, разумеется, поспешил вступить в блок с новыми стражами, опять стал им жаловаться на все наши злоумышления и т. д. Но все его козни не помешали Орлову убежать, как по писанному. Надо сказать, что у стража почему-то больше

подозрений было против меня,—и за мной он следил зорче, чем за О. Мы заметили это и не замедлили учесть это обстоятельство. Мы условились с О., что я пойду к кассе, а Орлов должен шмыгнуть через черный ход магазина на улицу. Так все и проделали. Приказчики были все ребята славные, сочувствующие. Они и так, отпуская покупочки, шопотом добавляли:

— Привет передайте от томских приказчиков всем товарищам в Нарыме...

Они сразу смекнули, в чем дело... Отвлекли внимание стража,—а тем временем Орлов и был таков...

Я никогда не видел более испуганной физиономии, чем у нашего стража, когда он заметил исчезновение О. Было и смешно до слез и даже немного жалко его. Как быстро рушились честолюбивые мечты маленького человека о прекрасной карьере и, может быть, даже об урядничьих погонах!

Кинулся бедняга к телефону,—сообщить, мол, нужно исправнику, организовать погоню за Орловым и т. д. А приказчики—наотрез:

— Мы, господин хороший, по сту рублей в год за телефон платим не для того, чтобы вы ваших ссыльных разыскивали... Дело у нас коммерческое — каждую минуту клиент позвонить может...

Метался, метался стражничек,—ничего у него не вышло. Пришлось нам вдвоем, в весьма неприятном tête à tête, на баржу возвращаться. Но тут не доверился он больше пешему хождению, раздобыл где-то телегу,—и мы, прекратив покупки, отправились на пристань. Не доезжая пристани, попадаетесь нам навстречу исправник, катит на резинках, красный весь, злой... Страж, побледневший и даже позеленевший от страха, приподнимается кое-как на облучке, козыряет и докладывает о побеге О. и о мерах, принятых к его поимке. А в ответ ему, с исправничьих дрожжек, вместо благодарности, понеслась мерная, цветистая, непечатная ругань...

Подъезжаем к барже, а с нее грохот аплодисментов несется. Публика знала, что я должен был О. сплавить,—приветствовала нашу удачу.

...Весь вечер не мог я уговориться, все ходил по палубе отчалившей баржи, любовался чудным звездным небом, думал о Киеве, о делах, оставленных на свободе и... проклинал свое старостинское звание, помешавшее мне в Томске удрать... Недолго мечтал я в одиночке. Вижу: бродит по палубе, очевидно с теми же мыслями, молоденький рабочий из Ростова, Коля Ш., с которым мы очень подружились в дороге...

— Что, Коля, замечтался—домой тянет?

— Прямо не вмоготу. Готов хоть утром удрать...

— Ей-богу, идея прекрасная! Стоит ли тащиться до Колпашева! Давай, вместе удерем с первой же остановки утром. Сказано—сделано, присоединились к нам еще двое — счетовод из Ростова и рабочий южной табачной фабрики, Миша Г. Припасли все нужное и, не смыкая глаз, стали нетерпеливо дожидаться рассвета. Узнали о наших планах другие и стали нас отговаривать;

— Что вы, товарищи? Мыслимое ли дело пускаться новичкам в тайгу, не зная дороги? Медведь загрызет вас в первый же день...

Надо сказать, что в том году правительство возобновило ссылку впервые после долгого перерыва. Попав впоследствии в Нарым, мы застали там только несколько стариков-повстанцев и уголовных поселенцев. В 1905 г. в некоторых нарымских селениях содержались пленные японцы, застигнутые войной в пределах Сибири. Так, в с. Колпашеве они оставили в наследие после себя «гигантские шаги», на которых они развлекались с местными «челдонками». А один из урядников, наблюдавших за ссыльными, даже оказался каким-то образом женатым на пленной японке, не пожелавшей вернуться на родину с освобожденными из плена земляками. В 1906 г., когда недоброй памяти П. А. Столыпин решил «превратить Нарымский край в неприступную крепость» (так говорилось в одном из его циркуляров), тогдашний томский губернатор, небезызвестный бар. Нолькен, решил соответствующим образом подготовить местное население к приему «политических». С этой целью губернатор отправился вниз по Оби на пароходе и, останавливаясь у селений, произносил согнанным стражниками крестьянам «подготовительные» речи:

— Вот, братцы, станут к вам скоро присылать политических. Знайте, что хуже этих людей на свете нет... Если не будете держать их в строгости, они станут грабить вас, убивать ваших детей, насиловать жен и дочерей... Постарайтесь же, когда они придут сделать для них жизнь невозможной.

Местами губернаторские речи падали на благодатную почву: крайнее невежество местного населения и полную неосведомленность его о делах в России. И когда длиннородые товарищи предупреждали нас, они учитывали не только полное незнакомство наше с местностью, но и враждебное отношение населения к ссыльным, о котором до нас доходили слухи.

Но такое ли было тогда время, чтобы слушаться благоразумных советов? «Майн-Рид» торжествовал тогда по всему фронту революции. Рядом с сознательной активностью и беззаветным героизмом одних,—у многих наблюдалось еще преклонение перед формой. Истинно-революционное подвижничество переплеталось с жадой смелых и фантастических приключений, часто не помогавших, а вредивших делу. Но если указанное настроение наблюдалось даже среди старых, испытанных революционеров, то

чего можно было требовать от нас, в жилах которых так и бурлила горячая юношеская кровь?

И когда более опытные товарищи пытались запугать нас «тайгой», на нас их слова производили обратное действие. Тайга манила нас к себе. В самом этом слове было что-то магическое, притягательное для нас. Тайга и тундры — это традиция, священное испытание для длинного ряда поколений русских революционеров, пришедших, наконец, тяжким, многострадальным путем к победе. Помню, бродил я, накануне побега, по пустынной палубе баржи, медленно скользившей по реке и, глядя на звездное небо, думал:

«Тайга, тайга! О, сколько в этом звуке
Для сердца русского слилось!..»

По крайней мере, для сердца каждого русского революционера, испытавшего на себе ее дыхание, то полное грозной, непобедимой силы, то проникнутое тихим, мечтательным очарованием...

Рано утром мы были готовы в путь — «Майн Рид» сказался даже в наших одеяниях. Нам нужно было одеться так, чтобы не возбуждать подозрения в наших конвойных до побега и чтобы, с другой стороны, в глазах встречаемых жителей после побега, имитировать коренных сибиряков. Маскарад получился комический: по отзывам опытных товарищей, мы не были похожи ни на ссыльных, ни на крестьян, а... на мелких городских карманников, только что выпущенных из чижовки. Но могли ли нас смутить их отзывы? Мы искренно и глубоко презирали людей, решивших (какой позор!) ждать для побега из Нарыма санного пути!

План побега был следующий: на ближайшей остановке мы отправляемся в сопровождении конвойных за покупкой съестных припасов, скрываемся от конвойных в ближайшем дворе и оттуда огородами бежим в тайгу. Из тайги выбираемся в ближайшую остояцкую деревню, откуда переправляемся на лодке в большое с. Молчаново. А из этого Молчанова, мы слышали, можно на лошадях добраться до Ново-Николаевска. Правда, до Ново-Николаевска — кругленькая тысяча верст, но кто в то время считался с такими пустяками! Денег у нас было много: 78 руб. на четырех, были припасены махорка, спички, перочинные ножи, — вообще все, что полагается опытному бродяге или, по крайней мере, каждому восторженному поклоннику Фенимора Купера, Майн-Рида и К^о! Начало оказалось в высшей степени благоприятным для нас. Побег произошел, как по писанному: мы отпросились от конвойных «торговать рыбу» в дом к одной бабе, а оттуда, бросив изумленной бабе рубль, шмыгнули прямо в тайгу. Конвойные, прождав нас с 5 минут и уверенные, что мы вернемся вслед за ними, отправились на баржу. Не могло же им прийти в голову, что эти

4 молодца, расспрашивавшие их о Нарыме, о том, как можно будет там устроиться, вдруг удерут в незнакомую им тайгу!.. Но прошло и 10 минут, и полчаса, а нас все не было. Прождали нас еще с полчаса, порыскали по деревне,—и дали гудок...

— Заплутаются в тайге, сами выйдут и попросят, чтобы их взяли,—так утешались наши стражи, невозмутимо продолжая свой путь...

— Увы,—они были ближе к истине, чем мы...

Пароходный гудок донесся до нас, когда мы, охваченные безумной радостью, стремительно удирали в чащу тайги, совершенно не задумываясь об избранном направлении и о том, доведет ли оно нас до намеченных юрт. Проклиная бесчисленные кочки, о которые мы спотыкались ежеминутно, каждый думал только о том,—как бы не отстать от других... Не все ли равно, куда мы выйдем, сегодня, завтра? Впереди волшебным маяком сверкал перед нами благодатный юг, куда мы стремились всеми своими помыслами... Бежать, бежать без оглядки, подальше от стражников, парохода, исправников, пересыльных тюрем,—а там уж «до Киева язык доведет».

Я уже изнемогал от усталости, когда до нас донесся пароходный гудок. Кроме проклятых мошек нас изводила еще отвратительная нарымская мошकारа — тварь, гнуснее которой нельзя ничего себе представить. Помню, как раз после второго побега, пришлось мне читать в парижских газетах впечатления князя Удино, совершившего путешествие в автомобиле от Парижа до Пекина,—и, вот, в одной из телеграмм, посланной из Томского округа, он сообщил, что за все свое путешествие он ничего подлее здешних *moustiques* не встречал. Против этой мошकारы не помогают никакие ухищрения. Она умудряется пробиваться через самые мелкие, обычно просмоленные сетки, которыми покрывают лица местные жители, не боится дыма и проч. Рассказывают, что в тайге она иногда живьем с'едает человека или животное. В первые же полчаса я успел исцарапать все лицо, сгоняя этих кровопийц. Гудок прозвучал в наших ушах как сигнал спасения и отдыха. Пароход ушел, и погоны опасаться больше нечего. Мы живо разложили костер, уселись вокруг него и, свернув «козьи ножки», стали усиленно дымить махоркой. Но на мошкару это не производило никакого впечатления. Укусы становились все больнее и мучительнее. Первая радость побега прошла, мы начинали приходить в уныние. К тому же, люди, совершившие побег в духе Майн-Рида, конечно, считали ниже своего достоинства позаботиться о пище. Таким людям обычно грезится дичь, убиваемая самыми разнообразными и... неопределенными способами, — на худой конец, с'едобные коренья и ягоды. Да, у нас с собой ничего не было, кроме небольшой ковриги хлеба, быстро уплетенной тут же у костра.